

К. Скальбе

Сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
К11

K11 **К. Скальбе**
Сказки / К. Скальбе – М.: Книга по Требованию, 2013. – 64 с.

ISBN 978-5-458-06801-7

С биографическим очерком и портретом. Под редакцией В. Гадалина.

ISBN 978-5-458-06801-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КАРЛ СКАЛЬБЕ

В среде латышских писателей Карл Скальбе является одним из самых значительных представителей современной латышской литературы. По преимуществу, лирический талант Скальбе счастливейшим образом соединяет в себе все те качества, наличие которых обеспечивает высокие художественные достижения. Его произведения романтичны, идеальны и мечтательны. У Скальбе много интимного чувства природы; он прекрасно изучил мотивы родных народных песен и сказаний, а потому наивно-трогательно звучит его пастушеская свирель, его лирические песни и сказки.

Родился К. Скальбе в Лифляндии 8 ноября (26 окт.) 1879 года в семье простого инценского кузнеца Старо-Пебалгской волости. Восьми лет он лишился отца и воспитывался у матери среди живописной деревенской природы. Учился в Велковской и Старо-Пебалгской волостных школах и, по окончании учения, отправился на заработки: был про-давцом-книгоношей, погонщиком скота, наконец, помощником волостного писаря. Но и последняя служба не удовлетворяла любознательного юношу. Его потянуло домой, к матери.

Дома он помогал матери в хозяйстве, весь свой досуг посвящая книгам и пополняя чтением недостаток полученного в школе образования. Далеко за полночь нередко засиживался юноша за чтением или за набросками того, что наполняло его чуткую, впечатлительную душу. В это время он создает часть стихотворений, впоследствие вошедших в его первый сборник стихов „Грезы заключенного“, выпущенный в 1902 году.

На литературное поприще К. Скальбе выступил в 1896 году, в газете „Balss“. В 1901 г., самостоятельно подготовившись, он выдержал экзамен на звание народного учителя и получил место в Эрглинской волостной школе. Здесь он близко знакомится с известным уже тогда писателем Рудольфом Блауманом, который впоследствие принял сердечное участие в судьбе молодого поэта.

В 1904 г. Скальбе выпускает второй сборник своих стихов под названием „Когда яблони цветут“; в этом же году появляется в печати его символическая сказка-сатирика: „Моя поездка к Снегурочке“, в которой он осмеивает обывательскую, узко-мещанскую жизнь Ливонии.

События 1905 г. и следующая затем реакция заставляют его эмигрировать. Осенью 1906 г. Скальбе едет в Петербург, а оттуда в Финляндию. Живя в Гельсингфорсе, в вынужденной разлуке с родиной, поэт всецело отдается изучению латышских песен и сказок, и перед ним раскрываются сокровеннейшие тайны народной души.

Из Финляндии Скальбе переезжает в Швецию, а затем в Норвегию, где останавливается на жительство в Христиании.

В 1909 году Скальбе, соскучившись по родным местам и вполне сознавши свои силы и стремления, возвращается в Ригу, где и создает свои изумительнейшие, полные задушевности и художественной отделки сказки: „Королевский истопник“, „Дочь палача“, „Мельница Кота-Мурлыки“, „Великан“ и др.

С началом мировой войны Скальбе в качестве военного корреспондента отправляется на фронт и результатом этого появляются его „Военные этюды“, а затем описание трагической борьбы латышских стрелков на северном фронте. Много поработал Скальбе и как рядовой журналист, популяризируя мысль о независимости Латвии.

КАРЛ СКАЛЬБЕ

Противник классовой борьбы, Скальбе горячо любит родину и народ и интенсивнее остальных латышских писателей принимает участие во всех исторических судьбах своей родины: работал он в первом законодательном парламенте „Народном совете“, а с 1920 года был членом Учредительного собрания и ныне состоит членом Сейма.

В латышской литературе Скальбе известен лирическими стихотворениями, сказками и рассказами.

Его последние стихотворения собраны в трех книгах: „Мечты и сказания“ (1912 г.), „Двинские волны“ (1918 г.) и „После времени“ (1923 г.). В этих трех сборниках стихов и в сборнике прозаических произведений „Зимние сказки“ Скальбе предстал перед нами вполне созревшим художником, глубоким и нежным лириком и прекрасным рассказчиком сказок. Он ближе всех подошел к душе латышского народа, глубже заглянул в нее и прекраснее воспел ее. Как на лирику, так и на сказки Скальбе большое влияние оказала народная поэзия: сам вышедший из народа, он является исключительно и истинно его поэтом.

Однако, у Скальбе мы не видим того рабского подражания народному творчеству, какое часто можно встретить у других латышских поэтов: Аусеклиса и Пумпураса. Скальбе – вполне самостоятельная художественная личность, глубоко переработавшая внешние литературные влияния и, в частности, влияния народной поэзии и приспособившая ее к своей художественной индивидуальности.

„Искусство Скальбе не нуждается в особенной избранной аудитории. Его поэзия одинаково понятна читателю как образованному, так и не получившему образования. И всем его искусство является милым, близким и задушевным“, – пишет П. Розит в книге „Жажда культуры“.

И это действительно так, ибо Скальбе своим простым незатейливым изложением невольно подкупает наши сердца и делает их незлобивыми и нежными. От каждой строки его произведений веет чистейшей поэзией, полной истомы и сладостного страдания.

В последнее время Скальбе уже не пишет больше рассказов с оттенком реализма; он всецело ушел в свою область сказок и былей, и из под его пера появляются произведения удивительной художественности, полные пластики и глубокого символизма. Отличительным качеством его сказок является то, что он в весьма примитивные, но тонко и мастерски обработанные фабулы, сумел влить символическое содержание. Так, в сказке „Великан“ Скальбе, основываясь на старинной фабуле, рассказывает, что человек может быть счастливым лишь тогда, когда он найдет свою жизненную цель, все равно, легка-ли она, или трудна: Великан, освободившись от лежавшей на его плечах горы, почувствовал свою не-нужность: силы его не к чему было применить. И лишь когда он снова взвалил на плечи посильную ношу – свою гору, – обрадовался и „притаил дыхание, и грудь его наполнилась нежной волной счастья...“

Основной мотив сказок Скальбе – любовь и всепрощение к людям, вытекающие из их понимания.

Причиненное тебе зло учись вспоминать добром: без гнева, ненависти и мщения, подобно его котику („Мельница кота-мурлыки“) или истопнику („Королевский истопник“). Такими же путями идут и остальные герои его сказок.

В.Г.

МОЯ ПОЕЗДКА К СНЕГУРОЧКЕ

Эту сказку рассказал мне некий моряк.

Сердце у меня было юное, словно сосуд, только что вынутый из пламени, облитый радужной глазурью... Дотронешься — звенит.

Невидимое пламя накаляло его, и оно разносило по моим жилам горячую кровь.

Как вешние потоки увлекают с собою прибрежные деревья, так моя бурная кровь влекла меня куда-то в неведомую даль.

И я покинул непривлекательную хижину отца на тихой опушке леса и направился через вспаханный братом холм в неведомую даль, спотыкаясь о комья земли. Я был словно камень в горном потоке.

Надо мной раскинулся лазурный океан неба. Позади меня остался его темно-зеленый еловый берег. Одна за другой от берега отплывали светлые, облачные лодочки, кто-то расшил их паруса золотыми нитями, и, волнуемые утренним ветерком, они уносились в даль над моей головой.

В лодочках сидели зори, сверкая бисерными краями, великаны в блестящих медных латах с огненными мечами.

Зори воспевали грезы; великаны говорили о подвигах, и их рассказы были подобны роще, поднимавшейся из туманных облаков в утренней заре.

Надо мной двигалась громадная ладья с огненными бортами. В ней стоял величественный гигант в сером плаще, с головой, окаймленной темным венком волос. Его глаза, пылавшие словно два солнца, смотрели на север.

Перед ним в небесной лазури плыла царевна-зорька. Он догнал ее. Ея маленькая лодочка, словно белый цветок водяной лилии, прильнула к его большой ладье, и я услышал, как великан рассказывал ей о Снегурочке, которая живет за океаном, в алмазном замке, и плетет дивные, лучистые венки. К ней на смотрины ездят пылкие юноши, и лучшему из них она преподносит огненный венок, сажая юношу с собою на украшенное алмазами ложе.

Лодки исчезли в тумане.

Спотыкаясь, я устремился за ними. Рассказ великаны наполнил мою душу томлением, как дубовый боченок наполняется молодым бродящим вином.

Покидая отцовский дом, я еще не знал, куда я направлю свой путь.

Теперь же мне стало ясно, что я иду к океану, на смотрины к Снегурочке.

* * *

По бурым пашням, лугам и болотам, через овраги, по межам, среди зеленеющих нив, я шел все вперед.

За деревьями, играя золотом лучей, спускалось солнце. Сумерки, словно темно-серые воды, заливали окрестность.

Люди, оставив орудия своего труда, пугливо исчезали в хижинах, спрятанных между деревьями. Со скрипом закрывались двери, в окнах вспыхивали белые огоньки.

Путники сворачивали с белой ленты большой дороги в темные аллеи, стучались в закрытые двери и с опущенной головой ждали, пока им откроют.

Я не стучался ни в одну дверь. Я не боялся мрака. Из моего сердца ключом был яркий поток света...

Уже много утренних и вечерних зорь миновало, когда однажды утром я поднялся на берег, поросший редкими сосновыми, сквозь которые светилось небо.

Уже край света? Нет, здесь только его начало: вдали — океан и небо. У берега стояла лодочка, а невдалеке — корабль с белым парусом, похожим на исполинское, приподнятое кверху крыло.

Ликуя, бросился я в лодку и вскоре очутился на корабле, но едва стал у руля, как над моей головой пронеслось что-то похожее на прохладную, серую тень, и за спиной я услышал шум, напоминающий шелест широких крыльевъ, — паруса надулись, и корабль понесся прямо к северу.

Много дней и ночей я провел в пути. Чем дальше в море, тем выше поднимались волны, тем быстрее несся мой корабль.

Море становилось все однообразней. Редко пронесется мимо корабля стая чаек, со свистом, касаясь парусов концами острых крыльев; редко сверкнет и растает вдали белый парус.

Наконец, и это все исчезло, и предо мной широко простерлось вечное молчаніе...

* * *

Вокруг меня стаей голодных волков выли волны, и мой корабль беспощадно бил грудью их широкие, седые, косматые спины.

Некоторые из них, разъяренные, вставали на дыбы и с воем открывали пенящуюся пасть, собираясь схватить мой корабль, но моя „Юная Мошь“ однимъ ударом дробила изумрудные челюсти волн и гордо неслась вперед по седым гравам поверженных.

На горизонте показались белоснежные, странно движущиеся тучи: это были ледяные горы.

Там начиналось царство Снегурочки. То были ее белые богатыри, вышедшие на простор для битвы. Я видел, как они угрожающе кидались друг на друга, сверкая ледяными мечами, как с грохотом устремлялись они один на другого и, сплотившись в одну гигантскую глыбу, со страшным шумом тысячею кусков рассыпались по океану. Мимо меня проносились широкие льдины, своими зелеными телами они терлись о борта корабля.

Я находился в воротах Северного царства. По обеим сторонам угрожающе протянув серебряные копья, возвышались ледяные великаны; между ними извивалась широкая щель, — в ней бились высокие волны раздробленных ледяных тел.

А поперек этой щели темным островом лежал Морской царь. Его широкие ноздри были погружены в воду, воспаленные глаза с полуоткрытыми в дремоте веками сверкали, как отблески горна. Из ноздрей вылетали в воздух снопы искр, окутанных дымом.

Лавирия меж плавающих льдин, мой корабль плыл навстречу чудовищу.

Вот один из белых богатырей зашевелился и медленно двинулся ко мне. Смело выпятив свою дубовую грудь, корабль кинулся на него и врезался острым лбом в его тело. Мгновение — и богатырь закачался: со страшным грохотом рухнули его кости, а голова тяжело упала на корабль и разлетелась вдребезги, обрызгав палубу белоснежной кипенью мозга.

Корабль застонал, качнулся и пошел обратно.

Приближалась ночь, надвигался мрак, лишь на небе мерцали звезды.

Корабль мой медленно плыл стороной, и я думал: зачем мне ехать мимо жабр чудовища? Не лучше ли обогнуть его и приехать в замок с другой стороны.

И, взглядываясь в пространство бушующих волн, я дал кораблю итти туда, куда он хочет.

* * *

Океан мало-по-малу стих. Корабль качался на мелких, тихих волнах.

Над волнами дымился прозрачный туман, и, кутаясь в него, впереди корабля трепетали белоснежные птицы, тихо воркуя, то выставляя свои широкие спины, то утопая в волнах тумана, как будто желая зарыться в теплую постель мягких вод.

Чем дальше я плыл, тем гуще становился туман, поднимаясь все выше. Он ласкал мои руки, грудь, щеки, теплый, матовый, будто вспотевшее стекло окна. Мои обветренные щеки, потрескавшиеся, окровавленные руки приятно ощущали его прикосновение. Он обнял мои члены, словно теплая ванна: мои туго напряженные мышцы размякли, мысли пустились в голове... Я облокотился на руль и не то во сне, не то наяву увидел, как туман исчез в синей дали... Над моей головой спустилось что-то белое и, лениво качаясь, закрыло все небо. Потонули звезды... восток и запад слились воедино. Я даже не знал, плывет мой корабль к югу или к северу, движется он или стоит на месте...

Я не знаю, как долго продолжалось мое забвение. Придя в себя, я заметил вдали нечто похожее на темную лесную просеку, прикрытую пнями. Запыхавшийся ветерок слабо шелестел в опустившихся парусах. Корабль плыл медленно и грузно и, чем больше он приближался к страшному „нечто“, тем сильнее меня охватывала жуть: то, что я видел теперь, напоминало собой плавающее кладбище с торчащими, сломанными крестами; на крестах болталось что-то вроде серых лохмотьев — быть может, ленты венков.

По мере приближения, темные холмы вырастали все выше, и вскоре я понял, что предо мною оставы погибших кораблей. Некоторые из них совсем развалились, на других еще держались надломленные мачты, тяжело свесившись на бок. То здесь, то там на них висели сгнившие серые паруса.

Весь океан был загроможден гниющими трупами кораблей.

Корабль мой со стоном ударился о камни. Широкое кольцо волн, качаясь и уменьшаясь, уплывало все дальше, пока совсем не изгладилось с поверхности моря...

В отчаянии я стал глядеть сквозь лес сломанных мачт и вскоре заметил вдали серую полосу суши. Корабль погиб, но я еще мог спастись.

Дрожащими руками я спустил через борт лодку. Она упала, забрызгав меня теплой гниющей водой, и остановилась, покачиваясь. По канату я спустился в лодку.

Работая веслами, я боялся оглянуться назад: на корабле кто-то лежал растянувшись и хохотал, — это был тот самый, кто, взявши меня за руки, плюнул мне в лицо. Это он растянулся на корабле и хохотал...

* * *

Подъезжая к берегу, я увидел ряд однообразных домов, похожих на ящики. Издали все они сливались в темно-серую стену. Не было ни башни, ни крыши, которая поднялась бы над общим ее уровнем.

Оставив на мели лодку, я босиком побрел по мелкой, теплой луже, которою кончался могучий океан. Когда я плыл на корабле, горизонт оставался все в том же расстоянии от меня. С каким пылом я ни стремился к нему, он оставался недоступен, и в этом была его прелесть. Теперь же я заметил, что с каждым шагом он становится все ближе, а за домами и вовсе сливается с землей.

Чуждыми показались мне аккуратные четырехугольные домики, чужое, низкое, закоптелое небо... Ноги отказались нести меня дальше, и я опустился на серый каменистый песок.

Сидел и думал — сам не знаю, что... Резкий визг, полный ужаса и отчаяния, врезался в мою измученную, оробевшую душу. Около одного из домов я заметил лежавшую на столе свинью. Как странно торчали ея ноги!

Навалившись над ней, какой-то человек слушал, как она визжит. Другой, в белом переднике, с засученными рукавами, вонзил в шею животного нож. У его ног, весь сгорбившийся, маленький мальчик в рубашенке держал миску, и черная струя крови фонтаном била в нее из шеи свиньи.

Визг становился слабее, от шеи к тазу протягивалась темная кровяная дуга.

Ноги свиньи скорчились и снова вытянулись на столе; кровяная дуга изогнулась, и черная струя упала на рученку мальчика.

Визг прекратился.

Человек слез со свиньи и стал поднимать свое упавшее на землю сабо; мальчик побежал к дому, весело разглядывая испачканную кровью руку.

Мужчины с трубками во рту принялись потрошить свинью, и на их круглых щеках сияла животная радость.

Недалеко от них пара собак, лежа на куче мусора, грызла кости и ворона теребила что-то.

Я закрыл глаза... Вдруг я услышал голоса и, подняв голову, увидел, что вокруг меня собираются откормленные люди в пухистых одеждах.

Они начали сочувственно расспрашивать меня, и я, словно во сне, рассказал им о своих приключениях, сам не понимая, что говорю. Они выслушали мой рассказ так спокойно, словно все это было им уже знакомо. В моем несчастии они искали оправдания своей жизни, нашли его и радовались... Они, как я, тоже стремились куда-то вдаль, тем же путем, что и я, и попали на этот остров Мира и Довольства, где царствует счастье и полный покой.

— Идеализм молодости!... Пылкая кровь!... Безумные мечты!... — говорили они, перебивая друг друга, а я, опечаленный, сидел на камне.

— Добродушный! Добродушный! — услышал я за собой шепот.

Кто-то похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я увидел пожилое, круглое лицо, круглый животик и на плече моем — круглую мягкую руку.

— Не тужи! — говорил круглый человек. — Жизнь здесь идет, как по маслу. Посмотри, какие здесь все пухленькие! — Он весело моргнул глазами и показал на стоявших кругом. — Я им всем помогал. Я люблю молодых людей и радуюсь, когда им везет. Не тужи! Если тебе не хватает на обзаведение, я дам тебе окорок, а капусты ты можешь брать из моей бочки, сколько угодно. Моя дочь Букашечка сварит тебе пищу. Ты явился как раз в день нашего праздника: сегодня у нас большая тризна свиней. Иди с нами и будь нашим гостем!

Они подняли меня с камня и повели с собою.

Перед одним из домов были поставлены длинные столы. Через открытую дверь клубился пар. Из кухни на двор, со двора на кухню то и дело ходили розовые девушки, ставя на стол дымящиеся миски со щами. — „Стол накрыт, — сказал Добродушный, с довольным видом потирая руки. — Садитесь! Все сели. Я тоже. О, как низко было их небо! На нем, просушиваясь, висели телячьи шкуры и свиные пузыри, тут же торчали воткнутые ложки обедающих, а над моей головой висел тяжелый безмен.

Люди встали, достали с неба ложки и начали кушать. Я также потянулся, взял ложку и сунул ее в щи, но они мне показались противными, и я потихоньку спрятал свою ложку.

КАРЛ СКАЛЬБЕ

Добродушный это заметил. — „Ого! — сказал он, — ты не привык к нашему любимому блюду! Букашечка, подай-ка гостю меду!“ Из-за стола поднялась кругленькая девушка с черными глазами, черными волосами и поставила предо мной большой горшок с медом и большую кружку молока.

— Запивай молоком, тогда можно больше скушать, — ласково сказала она; в уголках ее рта были хлебные крошки, а в ямочке на подбородке сверкала капелька меда. — Я всегда запиваю, тогда не давит под ложечкой, — закончила она и мягко провела рукой по животику...

* * *

Когда затихли прихлебывание и чмоканье, и некоторые из гостей подняли головы от своих мисок, откинулись на стулья и, глядя на жирные кусочки мяса, стали обдумывать: продолжать ли еще есть или нет, — на другом конце стола встал какой-то мужчина, поднял бороду и ударил обгрызанной свиной косточкой о миску.

Все насторожились.

Добродушный наклонился к моему уху и благоговейно шепнул:

— Пророк Рунгис¹...

— Уважаемые земляки и землячки, — заговорил Рунгис. — Для Края Мира и Довольства настал опять тот желанный день, когда он может праздновать большую тризну свиней. Большая свинья убита, из каждой миски нам приятно улыбается ее жирное тело. На всех губах блестит жир, на всех щеках сияет счастье и блаженство.

Подумаем же теперь, кому мы обязаны этим блаженством. Уже древними греками было замечено, что теплый туман, окружающий нашу страну, оказывает замечательно благотворное влияние на быстрое ожирение свиней; в наше время всякому школьнику известно, что туман этот — источник нашего благоденствия... Но, спрашивается, чему мы обязаны этим туманом? Мы обязаны им нашему низкому небу: это оно мешает движению воздуха, мешает рассеяться туману. Но не только этим мы обязаны ему: оно охраняет также и наш покой. У нас нет надобности смотреть в даль: наше небо близко, прямо, так сказать, у самого носа нашего и его в любом месте можно достать рукою. — (Тут оратор коснулся рукою неба). — Оно так практично, что ни один смертный не пожелает лучшего. Надобно ли повесить телячью шкурку или положить ложку, или достать что-нибудь другое — достаточно протянуть руку. Это предохраняет наши души от лишних забот и наше тело от лишних движений.

Вот благодаря этому мы и сыты, и счастливы.

Так будем же любить и уважать наше небо!

В честь его я предлагаю присутствующим встать с сидений и единожды спеть: „Радостно и тихо...“ Все встали и запели:

„Радостно и тихо
Жизнь моя течет...“

Я стоял и глядел на деревья, растущие у жилищ. Все они были лишены верхушек; ветви тянулись горизонтально, словно руки исполинов, мягкие и масляные, как стебли репейника, с широкими, пушистыми листьями, и в их влажной коре кишили белые паразиты.

— Отчего ваши деревья так коротки? Отчего у них нет верхушек? — вырвалось у меня.

¹ толстяк.

— Куда ж им роста! — пробормотал кто-то равнодушно в ответ.

Солнца не было вовсе. Неслышно было шелеста птичьих крыльев, а безветренные листья уныло висели на ветках, точно уши ляговой собаки.

После обеда присутствующие растянулись на коврах, разостланных на траве, перед жилищами.

Двое разговаривали.

Первый сказал:

— Как прелестно говорил сегодня наш пророк: Слово в слово, как в прошлом и позапрошлом году.

— Да, и как ясно! — ответил другой. — Мне знакомо каждое слово его речи.

— Спокойствие то какое! — зевнул первый. — Глаза сами закрываются.

— Да, — ответил другой, засыпая.

Меж оставленных столов прогуливались теперь птицы, подбирая остатки еды. Оживевшие, они, повидимому, совершенно разучились летать. Ни одна из них не поднимала крыльев. Некоторые из них спали, положив головы под крылья. Тут ведь не было солнца. Одна из птиц, особенно жирная, прыгнула на колени к Добродушному и начала собирать там крошки.

— Соловей, — сказал он моргнув мне глазами. — Попробуй, что за перышки! Королева! А мясцо-то! — Добродушный щелкнул языком и провел рукой по губам. — К Мартынову дню зарежем, то-то будут щи!

— Неужели ни одна птица у вас здесь не поет? — спросил я.

— Нет, слава Богу! От этого мы застрахованы. Ни одна, ни, ни... Упаси, Господи, от такого несчастия! Однажды, неизвестно откуда, забрела было какая-то шальная и так запела, что глаз нельзя было сомкнуть. Повесили... С тех пор ни одна и пикнуть не смеет: можно спать, где угодно...

* * *

Я начал жить в краю Мира и Довольства, или в Стране Жирных Свиней, как звали его иначе.

У меня была пушистая одежда, как у других, теплая постелька и белая комнатка.

Аппетитная Букашечка варила мне аппетитные щи, а Добродушный добродушно хлопал меня по плечу. Все у меня было так же, как у других. Однако люди удивлялись, отчего я не полнею.

Добродушный говорил:

— Отчего ты такой худой? Надо бы уж тебе и разжиреть. Посмотри, как опухли другие!..

Но я оставался таким же угловатым и неотесанным.

С тех пор, как утонули солнце и звезды, я потерял охоту и к жизни, и к смерти. Три раза в день я выходил из дома, брал с неба ложку и кружку, ел, пил, а затем привешивал их снова к небу. К небу!.. После этого я укрывался в своей комнате и лежал там. Мне ничего не хотелось. Моя душа убегала от этой жизни, она закрывала веки и стонала, но так тихо, что никто этого не слышал. Меня считали тихим, счастливым человеком, так как никто не знал, почему я живу с закрытыми глазами.

Там, за туманом, остались те утра, когда за моим окном стояла утренняя звезда и мимо нее бежали розовые облака. Как хотелось тогда жить! Теперь мне по утрам не хоте-

КАРЛ СКАЛЬБЕ

лось открывать глаза: я знал, что за окном — стена тумана, которую они здесь называют днем.

К вечеру стена становилась серее — это была ночь.

Я лежал беспомощный и стыдился самого себя. Мне хотелось забыться, я глядел в глубь прошлого и видел вспаханный холм. Солнце шло через гору, и юноша без шапки, босиком, спешил за ним по комьям земли, сам не зная, куда ступает его нога. В моей памяти воскрес могучий запах земли: в земле таятся жизнь и мощь...

И в отчаянии я говорил в темноту, сам не зная — кому:

— Похороните меня в землю и посейте сверху траву! Я хочу возродиться под дерном!

* * *

Ко мне явилась Букашечка. Войдя, она всякий раз ставила на мой стол горшок с медом и молоко.

— Вставай же! Я тебе принесла меду и молока. Пей, тогда можно больше скушать, — сказала она, и все ее простодушное лицико сияло сердечностью, и, как всегда, капелька меда сверкала в ямочке ее подбородка.

Я смотрел на нее, и мне становилось жаль девушки.

Она так хороша, мила и все-таки так далека от меня, ото всего, что я храню в моей груди.

— Отчего они тебя зовут Букашечкой? — спросил я ее. — Ты ведь человек. Как можно человека звать Букашечкой?!

— А тебе мое имя не нравится? — сказала она с широко раскрытыми от удивления глазами. — Моему папаше оно очень нравится. Он говорит, что я такая гладенькая, кругленькая, словно Букашечка. Со временем вся земля станет гладкой, и все люди будут катиться на ней, словно мячики. Тебя папаша бранит, говорит, что из тебя ничего не выйдет, если ты не поправишься... хи—хи—хи... Ты ведь плоский, как доска... А когда я хлопочу по хозяйству — я страшно люблю заниматься хозяйством, — он говорит, что я ползаю, как букашечка. Вот они и прозвали меня Букашечкой.

Потом она прибавила вполголоса:

— Хотя все и говорят, что только круглые люди красивы и что настанут такие времена, когда можно будет ходить лежа: не надо будет ни вставать, ни шагать, — но ты мне нравишься больше всех... Идет ко мне этот платок? — быстро прервала она разговор и стала посредине комнаты, откинув черные волосы ото лба и завязывая под подбородком уши белой косынки.

— Ничего себе!

— Пойдем танцевать!

Она протянула мне руки и, не дожидаясь меня, стала кружиться по комнате, напевая:

— Ла—ла,—ра—ла,—ра—ла—ла.

— Ну, отчего ты не идешь? — надувшись, воскликнула она и остановилась.

— Я не умею.

— Не умеешь! Чего же тут не уметь! Я научу. Это же очень просто! Смотри, вот так: ла—ла, ра—ла, ра—ла—ла...

— Она снова закружилась.

— Чего же тут не уметь!

— Ну, хочешь, будем играть! лови меня!

И она остановилась, глядя на меня через плечо, готовая бежать, шалить, хохотать.